

БЕЗЛИЧНОСТЬ И КАТЕГОРИЯ СОСТОЯНИЯ КАК ПРОБЛЕМЫ СИНХРОНИЧЕСКОЙ И ДИАХРОНИЧЕСКОЙ ЛИНГВИСТИКИ

П.Е. Топорков

Аннотация. В статье рассмотрена проблема безличности как семантической и синтаксической категории с точки зрения взаимосвязи диахронного и синхронного подходов. Вопрос безличных конструкций обсуждается автором в контексте семантического и грамматического взаимодействия языков и различных форм существования языка. В рамках синхронного подхода проведен сопоставительный анализ некоторых аспектов функционирования безличных конструкций в связи с понятием «языковая картина мира», выявлены некоторые теоретические и методические трудности, связанные с определением статуса безличных форм / форм с семантикой состояния в разных языках. В рамках диахронного подхода рассмотрены «периферийные» безличные формы (в том числе стативы, имена состояний) с точки зрения их функционирования в литературном языке, а также в нелитературных формах (жаргоны, народные говоры). Приведены параллели на материале славянских и некоторых других языков, отражающие динамику рассматриваемых семантико-грамматических процессов, в том числе примеры заимствования и дальнейшего освоения корневых морфем в составе предикативных словоформ или лексем. Проведенное исследование позволит уточнить семантико-грамматический статус предикатива как класса слов в рамках сопоставительного синхронного подхода, при формировании методической базы для изучения иностранных языков, в особенности русского языка как иностранного, а также при анализе указанных языковых единиц в диахронных лингвистических исследованиях.

Ключевые слова: категория состояния, безличность, языковая картина мира, состояние, оценочность, статив, предикатив, синхронная лингвистика, диахронная лингвистика.

Для цитирования: Топорков П.Е. Безличность и категория состояния как проблемы синхронической и диахронической лингвистики // Преподаватель XXI век. 2021. № 1. Часть 2. С. 291–302. DOI: 10.31862/2073-9613-2021-1-291-302

© Топорков П.Е., 2021



Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

IMPERSONALITY AND THE CATEGORY OF STATE AS PROBLEMS OF SYNCHRONIC AND DIACHRONIC LINGUISTICS

P.Eu. Toporkov

Abstract. *The article deals with the problem of impersonality as a semantic and syntactic category from the point of view of diachronic and synchronic approach connection. The question of impersonal constructions is discussed by the author in the context of semantic and grammatical interaction of languages and different forms of language existence. Within the framework of the synchronic approach the comparative analysis of some aspects of impersonal constructions functioning in connection with the notion of “language picture of the world” is made and some theoretical and methodological difficulties connected with defining the status of impersonal forms / forms with state semantics in different languages are revealed. Within the framework of the diachronic approach “peripheral” impersonal forms (including statives, names of states) are considered from the point of view of their functioning in the literary language, as well as in non-literary forms (jargon, vernaculars). Parallels are given on the material of Slavic and some other languages, reflecting the dynamics of the semantic and grammatical processes under consideration, including examples of borrowing and further development of root morphemes in the predicative word forms or lexemes. The research enables to clarify semantic-grammatical status of the predicate as a class of words within the framework of the comparative synchronic approach, when forming the methodological basis for the study of foreign languages, especially Russian as a foreign language, as well as during the analysis of the mentioned language units in diachronic linguistic research.*

Keywords: *category of state, impersonality, linguistic picture of the world, state, evaluation, statives, predicative, synchronic linguistics, diachronic linguistics.*

Cite as: Toporkov P.Eu. Impersonality and the Category of State as Problems of Synchronic and Diachronic Linguistics. *Prepodavatel XXI vek. Russian Journal of Education*, 2021, No. 1, part 2, pp. 291–302. DOI: 10.31862/2073-9613-2021-1-291-302

292

Споры о границах семантических и грамматических классов в языке насчитывают десятилетия. Одной из точек приложения такой дискуссии является вопрос о категории состояния. Вскоре после публикации работы Л.В. Щербы [1] развернулась дискуссия о статусе категории состояния, см. [2; 3]. Основным вопросом в дискуссии был вопрос наличия или отсутствия необходимых и достаточных грамматических оснований для трактовки слов категории состояния как части речи.

В ряде работ термины категория состояния и предикатив используются как синонимы (предикатив в узком смысле). Подобный взгляд на проблему представлен, в частности, в трудах Н.С. Поспелова [2], В.В. Виноградова [4], В.Н. Мигирова [5; 6], Е.М. Галкиной-Федорук [7; 8], А.Н. Тихонова [9], Н.С. Валгиной [10], С.М. Колесниковой [11].

В.В. Виноградов в категорию состояния включает не только безлично-предикативные слова, но и краткие

прилагательные типа *рад, горазд, весел*, краткие страдательные причастия, а также некоторые слова и словосочетания, приписывая всем им наличие форм времени и наклонения, так как они выступают в роли сказуемого. Он выделил «категорию состояния» в отдельную часть речи, что в последующие годы было закреплено в ряде учебников для вузов.

В «Русской грамматике» 1980 года [12] предикативы «условно причислены» к классу наречий, с которыми их сближает неизменяемость, мотивировка качественными прилагательными, наличие сравнительной степени.

В несколько ином ключе представлена проблема предикатива в трудах А.В. Исаченко. В своей монографии [13] он относит к предикативам формы, совпадающие с краткими формами имен прилагательных среднего рода или с наречиями (*можно, должно*).

В работе М.В. Дегтяревой [14] приведена подробная классификация предикативов, построенная на грамматических и семантических основаниях.

М.В. Дегтярева понимает под предикативами слова, традиционно определяемые как краткие формы качественного имени прилагательного, имеющие собственное категориальное значение состояния (*каков?*); также исследователь выделяет личные и безличные (функционально обособленные) формы предикатива.

По словам П.А. Леканта, «в современном русском языке сформировалась аналитическая «гибридная» часть речи *предикатив* с собственным категориальным значением **состояния** [...]. Термин *предикатив* употреблялся рядом исследователей для обозначения слов *категории состояния* [...]. Предикатив совмещает категории имени

прилагательного: род, число (согласуемые формы) и глагола: наклонение, время, лицо (включая безличную форму), число. Глагольные формы выражаются аналитически — посредством связки *быть* (включая нулевую форму наст. времени изъяв. наклонения)» [15, с. 23–24].

Проблема категории состояния, таким образом, представляла собой, в основном, проблему синхронной лингвистики. Тем не менее, категория состояния в своем однозначно не определенном морфологическом статусе отмечается уже в древнерусских текстах (в т. ч. хрестоматийное «*Не льно ли ны бяшетъ, братіе...*») и имеет ряд семантических, словообразовательных и синтаксических характеристик.

В нашей работе рассмотрим особенности реализации категории состояния, возникающие на стыке диахронного и синхронного подходов, в частности, статус безличных конструкций в рамках языковой картины мира; динамику формирования класса предикативов в диахронии и отражение результатов развития класса в контексте сопоставительных исследований. Данная проблема будет проанализирована на материале категории состояния и смежных явлений в их лексико-семантическом, словообразовательном и грамматическом аспекте. В качестве основных методов исследования выступают описательный, компонентный и контекстуальный анализ.

Сопоставительный анализ подобных конструкций дает в результате описание переходных языковых явлений различного рода. В частности, исследования А.В. Циммерлинга [16; 17], посвященные предикативам в древнеисландском, в числе прочего описывают систему, иную не только синтаксически,

но и словообразовательно, т. е. обладающую значительно большим репертуаром потенциально возможных единиц данного класса, ср. примеры типа *honum var hugkvæmt*, букв. **“Х-у было наумвходно”*, т. е. *“Х-у пришло на ум”* [16, с. 44].

Безличность и языковая картина мира

В ряде работ проблема безличности исследуется на широком синтаксическом материале (см. [18]), который включает как слова категории состояния, так и другие грамматические варианты, в т. ч. дезагенсные конструкции типа *Ночь*, *Изморось* и др. (см. [19]). Безличность как характеристика грамматической структуры не в полном объеме совпадает с безличностью как семантическим параметром высказывания. А.В. Петров писал о безличности как «особой семантико-грамматической категории русского языка, представляющей собой особый способ концептуализации действительности и проявляющей свой категориальный статус как на грамматическом, так и на семантическом уровне» [20]. В некоторых работах есть прямое указание на особый характер этой языковой категории, ср. «Категория безличности — одна из *национально-специфических* (курсив наш. — П.Т.) категорий русского языка, основным способом языковой репрезентации которой являются безличные предложения» [21]. В той или иной мере в лексико-грамматической системе многих языков мира отмечены способы выражения фактов внеязыковой действительности, тяготеющие к безличности (напр. обозначение погодных явлений в китайском языке *qíng* — солнечно, *diūyún* — облачно, *lěng* — холодно, *rè* — жарко, *niǎnhuo* — тепло, *liángkuai* — прохладно). Отметим, что на наш вопрос, адресованный

китайским студентам в КГУ имени К.Э. Циолковского, как они (с их багажом «школьной» грамматики и небольшим опытом адаптации к европейской грамматической терминологии) охарактеризовали бы подобные обозначения, был получен ответ: это прилагательные. Китайские примеры с семантикой состояния среды студенты переводили на русский язык сначала ошибочно как прилагательные: *холодный*, *жаркий* — вместо *холодно*, *жарко*. Определенную методическую трудность в преподавании РКИ представляет и разграничение терминов «главный член безличного предложения» и «категория состояния» (ср. *морозит* и *морозно*). Такие семантико-грамматические наложения отмечаются при сопоставительном анализе на различном языковом материале. Так, в работе [22] приводятся данные по грузинским глаголам объектного строя. Автор указывает, в частности, что «указанные глаголы перекликаются со словами категории состояния в русском языке: именно слова категории состояния в русском языке, подобно грузинским глаголам объектного строя», «не допускают подлежащего в именительном падеже, и сочетается... с субъектом в дательном падеже» (ср. *mrcxvenia* «мне стыдно», *mixaria* «мне весело», *gcxela* «тебе жарко» и т.п.)» [там же, с. 125]. Ср. также данные в работе [23]: *слышно*, *видно* коррелирует в польском языке с безлично-инфинитивными конструкциями на *stychać*, *widac*.

Как справедливо показывает Н.А. Исаева в своей работе [24], «Школьная грамматика объясняет устройство и функционирование языка с целью помочь учащемуся решать различные коммуникативные задачи» [там же, с. 95]. Отметим, что классификация

односоставных предложений (в период активного формирования т. н. «школьной грамматики») нередко трактовалась как базирующаяся на семантических критериях, ср. примеры типа *Об этом сказано в учебнике* (классифицировались и часто классифицируются как неопределенно-личные), параллельные славянские формы на *-no* и *-to* типа польск. *Stefana posłano na front* и даже случаи типа русск. диалектн. *Куды дивчата ушот? Колхозны коровы пришот* (с усеченным *-to* статива), а также комментарий к ним в работе [25].

Безличность и грамматическая трансформация

Безличность как синтаксическая характеристика реализуется не только в контексте семантики состояния; безличные формы могут выражать оценочные значения (в т. ч. в синкретичных конструкциях) или сближаться с глагольными формами (особые перфектные значения).

Отпричастные предикативы могут сохранять семантико-грамматическую связь с глаголом (в частности, сохранять семантику времени и вида), при этом семантика залога в большинстве случаев утрачивается, ср. *накурено* (кем). Как отмечает В.В. Бабайцева, «ослабление в причастии глагольных свойств, связанное с отсутствием деятеля, сближает причастные формы с именами состояния, обозначающими состояния окружающей среды или дающими модальную оценку действия, выраженного примыкающим инфинитивом. Это определяет использование причастных форм в ряду однородных членов наряду с именами состояния и синонимичность некоторых причастных предложений с глагольными именными» [26, с. 253].

Ср.: Мама живет на пятом этаже, прихожу к ней, у нее какие-то францужы, дамы, старый патер с книжкой, и *накурено, неуютно* (А.П. Чехов. Вишневый сад (1904)).

Исторический характер формирования безличных конструкций

Рассмотрим подробнее употребление стативов — причастных форм как особого вида безличных единиц.

По мнению А.С. Мельничука, «Приобретение старым перфектом новых синтаксических функций привело в ряде славянских языков к зарождению новых средств выражения состояния как результата прошедшего действия (макед. *имам видено, сам дојден*, рус. диал. *у меня корову подоено*, чешск. разг., словацк. диал. *tám napsáno, jsem nastoupilý (odejitý)*, польск. диал. *on ma to miéсце sprzedane, on jest przyjechany*, возможно также укр. *роботу виконано*, польск. *dom zbudavano*)» [27, с. 21]. Далее Мельничук указывает, что «результатом сравнительно позднего видоизменения двусоставной структуры предложений со страдательно-причастным сказуемым в форме среднего рода (на *-no, -to*) являются употребляемые в части современных славянских языков безличные односоставные предложения с причастными формами на *-no, -to*, допускающими при себе прямое дополнение» [там же, с. 27]. Ф.П. Филин [28] отмечает, что в подобных случаях в отсутствии согласования причастные формы средневозвратного залога начинают мыслиться как формы глагола действительного залога, наряду с возможным толкованием подобных конструкций как безличных. В целом, по наблюдениям Ф.П. Филина, ареал распространения несогласованных конструкций смещен на запад: широкое

распространение они получили в украинской и белорусской письменности с XIV века.

В отечественной лингвистике начиная с 70-х гг. XX века активно обсуждался вопрос происхождения и значения индоевропейского перфекта. Эта проблематика охватывает не только глагольные, но и именные формы со связкой, а также стативы.

Так, Ю.С. Степанов, анализируя развитие форм перфекта в индоевропейских языках, приводит примеры конструкций типа *Jo būta, Jo eita* (букв. *Его было, Его хожено*, т. е. *Он был, Он ушел*) в литовском языке, отмечая параллели из северо-западных русских говоров, такие как *У него уехано* [29, с. 327]. М.А. Буряков отмечал в связи с этим, что «Древний перфектный признак не осмыслялся в связи с категорией субъекта. Это предположение зиждется на двух несомненных фактах: во-первых, на противоположности глаголу имени, которому не свойственная категория субъекта; во-вторых, на известной оппозиции древних презенсно-аористных форм перфектным...» [30, с. 55]. Анализ конструкций со стативами на материале староукраинского языка показал, что динамика пассивных форм в подобных случаях связана с ростом употребительности предикативов в сочетании с субъектными детерминантами под влиянием русских и старославянских источников. В то же время конструкции без детерминанта и без связочного глагола в настоящем времени отмечены как передающие народную речь [31, с. 287–288].

Примеры функционирования подобных причастных форм в функции *verbum finitum* отмечены в современном польском языке.

Ср.: *Apollonides, roniąc łzy, bez sprzeciwu wyszli z sypialni i wkrótce potem*

przysłano przez małego chłopca Katonowi miecz [<http://zanotowane.pl/1017/4481/41305113443.htm>] — «полноценная» пассивная конструкция с предлогом *przez*.

Данные формы не развивают семантику состояния; это подчеркивает синтаксическое оформление; формы на *-no, -to* отражают представление о специфических перфектных состояниях.

Ф.П. Филин [28, с. 499] отмечает существование в ряде говоров форм типа *У моего сына на ней жененось* и *Мой сын на ней женифшы*: деепричастная форма в принципе не выражает семантики состояния, а, скорее, выражает особую перфектную характеристику глагольного действия; в этом смысле причастные формы на *-no* и *-to*, семантически близкие к глаголам, демонстрируют определенное (историческое?) видение ситуации как контролируемой.

Ср. примеры «Словаря русских народных говоров» [32], фиксирующие материал 2-й половины XX века:

Огрузиши, в знач. безл. сказ. О большом количестве плодов. На этой яблоне яблоков *огрузиши*. Валд. Новг., Михайловский. Ноничь малины горазд много, прямо *огрузиши*. Славк. Пек., 1958.

Расписанось, прич. страд. прош., в знач. безл. сказ. Об официально оформленном браке: *У нас с Ваней расписанось* было, тоды уж не венчали. Пинеж Арх., 1971.

Такие морфолого-синтаксические модификации (глагольной семантики и синтаксической конструкции в целом) отмечены как в исторической ретроспективе на материале народных говоров, так и в современной субстандартной языковой среде.

Ср. *попадос* (~мы *попали*), *досвидос* (~до *свидания*).

Я бы так просто повстречалась / конфетно-букетный период и *досвидос*

[Разговоры московских студенток (2007) // Из коллекции НКРЯ].

Ср. также современное сленговое за-*шквар* от глагола *зашкварить* (из уголовного жаргона).

В академической «Русской грамматике» 1970 года [33] предикативы (имеется в виду предикативы в узком понимании, т. е. безлично-предикативные слова) признавались синтаксическими дериватами. Таким образом, авторы предполагали, что сигнификат безлично-предикативной единицы идентичен сигнификату наречия/ прилагательного. При этом такая семантическая идентичность отмечается далеко не всегда. В случае с оценочными безличными единицами (типа Мне *хорошо*, Мне *плохо*) предикатив имеет семантическое приращение: Мне *плохо* — психическое состояние, грусть, тоска, печаль; психофизиологическое состояние, тошнит, болит голова и т. д.

Безличность как форма представления фактов связано с особенностями восприятия реальности в разных формах существования национального языка. Группа безличных предикативов в разговорной речи представлена гораздо более значительно в количественном плане. При этом в молодежном и уголовном жаргонах актуализировано употребление оценочных предикативов в качестве безличных стативов (с семантикой ‘оценочное состояние социальной среды’, ‘оценочное внутреннее состояние’). Некоторые такие стативы употребительны и в составе условно двусоставных конструкций с подлежащим *все*, ср. *тин-тон*, *чики-пуки*, тж. украинск. жарг. *тін-тон*, *чікі-нікі*, *чікі-пакі*; ср. также (это) *попадос!*

И был бы у нас с тобой полный *попадос* [Александра Маринина. Ангелы на льду не выживают. Т. 1 (2014)].

Такое семантико-грамматическое явление отмечено в жаргонах ряда славянских языков, причем такое употребление отмечено у единиц как исконных, так и заимствованных (в т. ч. грамматически не освоенных, ср. польск. *być cool*).

Ср. украинск. *класно*, *кльово*: Загалом *класно* було, Вовіку, що казати! [Ю. Покальчук. Те, що на споді] Кльово вчора було.

Słuchajcie, oni chyba zwiarowali. Rekolekcje w szkole?! Przecież w kościele *było cool!* [R. Szymkowiak. Bomba w szkole (2012)].

Ср. также польск. *wuchta* (нем. Wucht) — *wuchta wiary* (многолюдно, много людей): *Wuchta wiary w Boost club!* [<https://www.facebook.com/watch/?v=1259020817566158>].

Ср. совр. польск. *schade* (из немецк.): *stary wątek, ale schade że nie dodałaś zdjęcia* [<https://deccoria.pl/forum/wyposazenie/duze-biurko-60-4589>].

Подобные случаи отмечены и при авторском употреблении. В этом случае грамматическая конструкция актуализирует коннотативные семы основы.

Ср.: *Zielono mi i spokojnie, Zielono mi, Bo dłonie masz jak konwalie.* [Agnieszka Osiecka. *Zielono mi* (текст песни)].

Ср. также возможности личного и безличного употребления в польском языке конструкций типа *Mnie żal / mam żal* (мне *жаль*).

To wiesz, małom domu całego nie rozniósł. — A mnie *żal*... — Czego, Anuśka! Klasztoru?... To już nie miłujesz mnie?... — Oj, miłuję cię, Staszku, miłuję... Ale mi *żal*, sama nie wiem czego... [Zofia Kossak. *Włogosławiona wina* (1996)].

Masz do mnie żal, Niedźwiedziu? — zagadnął Calmin milczącego przyjaciela. [Iwona Surmik *Talizman złotego smoka* (2002)].

Było przednio dziecioki! poranek najlepszy ;) buziaczki [<https://www.facebook.com/lunapar.band/posts/10206549191906045/>].

Семантическая группа “состояние как модальная характеристика”, широко представленное в русском языке вплоть до XVII в., впоследствии отмечена в менее значительной степени, при этом группа “состояние как количественная характеристика среды” (*komaristo, oводно*), широко представленная в народных говорах (по записям XIX – первой пол. XX в.), отмечалась в языке предыдущего периода (вплоть до XVII в.) в незначительной мере и практически отсутствует в современном русском (как в литературном языке, так и в нелитературных подъязыках).

Ja ćwiczę dopiero 8 tygodni, a dwójek używam jedynie do rozgrzewki barków i dokładam sobie na maszynie, jeśli *sztabkowo* jest dla mnie za duży przeskok [https://www.sfd.pl/redukcja_i_uj%C4%99drnienie_po_ci%C4%85%C5%BCach-t818924-s6.html].

Пополнение класса слов категории состояния происходит за счет включения признаковых слов с семантикой восприятия.

Robiła wrażenie. Było *pusto, ciepło, ak-samitnie*. Położyłem się na wydmie, twarzą do słońca [<http://www.polityka.pl/archive/do/registry/secure/showArticle?id=3359610>].

Большое количество славянских предикативов состояния, в том числе образованных от заимствованных корней, имеют компонент оценочной семантики.

Ср. совр. польск. *fajnie, interesująco, rewelacyjnie, kapitalnie, fenomenalnie,*

fantastycznie, perfekcyjnie, bezkonkurencyjnie...

“kilka dni temu usłyszałem tutaj zdanie, że jarzębiak bardzo się popsuł po tysiąc dziewięćset sześćdziesiątym piątym roku, aha, i że w latach czterdziestych na Służewcu było *kapitalnie*, dużo lepiej niż w parku Skaryszewskim”, powiedział T. [Maciej Malicki. *Takie tam* [dziennik] (2006)].

В целом, безличные конструкции характерны для многих славянских языков; более того, семантика безличности отмечена и в языках с обязательным подлежащим. В этих языках отмечены конструкции с одним главным членом, выражающим синкретичную оценочно-статальную семантику (ср. англ. *Bingo, Bummer*).

Безличность не всегда связана с определенными грамматико-словообразовательными процессами: в частности, класс слов на *-o* в русском языке представлен в количественном отношении гораздо шире, чем, например, в польском, однако при этом семантика состояния, реализуемая русской безличной конструкцией со словом на *-o*, может быть передана с помощью безличной глагольной конструкции.

С точки зрения диахронии, класс безличных именных предикативов представляет собой обширный пласт языка, выходящий и по-прежнему выходящий за пределы «канонической» категории состояния. Динамика семантико-грамматических изменений в рамках данного класса находит отражение и на уровне словообразовательных процессов, что подтверждают данные как литературного языка (в его исторической перспективе), так и нелитературных форм.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Щерба, Л.В.* О частях речи в русском языке // Русская речь. Новая серия, II. Л.: Изд. «Academia», 1928. С. 5–27.
2. *Поспелов, Н.С.* В защиту категории состояния // Вопросы языкознания. 1955. № 2. С. 55–65.
3. *Шапиро, А.Б.* Есть ли в русском языке категория состояния как часть речи? // Вопросы языкознания. 1955. № 2. С. 42–54.
4. *Виноградов, В.В.* Русский язык. (Грамматическое учение о слове). М., 1972. 616 с.
5. *Мигирин, В.Н.* Категория состояния или бессубъектные прилагательные? // Исследования по современному русскому языку: Сб. статей, посвященный памяти проф. Е.М. Галкиной-Федорук. М., 1970. С. 150–157.
6. *Мигирин, В.Н.* Ряд соображений о категории состояния, или предикативах // Известия Крымского пединститута. Т. XXVIII. Симферополь, 1957. С. 407–425.
7. *Галкина-Федорук, Е.М.* Безличные предложения в современном русском языке. М., 1958. 332 с.
8. *Галкина-Федорук, Е.М.* О категории состояния в русском языке // Русский язык в школе. 1957. № 4. С. 6–17.
9. *Тихонов, А.Н.* Категория состояния в современном русском языке. Самарканд: Изд-во Самарк. ун-та, 1960. 43 с.
10. *Валгина, Н.С.* Современный русский язык. М., 1987. 480 с.
11. *Колесникова, С.М.* Вопрос о словах категории состояния // Русский язык в школе. 2017. № 2. С. 16–20.
12. Русская грамматика. Т. 1, 2 / Н.Ю. Шведова (гл. ред.). М.: 1980. Т. 1 783 с., Т. 2. 717 с.
13. *Исаченко, А.В.* Грамматический строй русского языка в сопоставлении со словацким. Братислава: Изд. Словацкой Академии наук, 1960. 570 с.
14. *Дегтярева, М.В.* Частеречный статус предикатива: дис. ... д-ра филол. наук [Место защиты: Моск. гос. обл. ун-т]. Москва, 2007. 348 с.
15. *Лекант, П.А.* Аналитическая часть речи предикатив в современном русском языке // Вестник МГОУ. Сер. Русская филология. 2011. № 2. С. 20–27.
16. *Циммерлинг, А.В.* Древнеисландские предикативы и гипотеза о категории состояния // Вопросы языкознания. 1998. № 1. С. 36–59.
17. *Циммерлинг, А.В.* Развитие вторичной безличности в древнеисландском языке // XI Все-союзная конференция по изучению истории, экономики, литератур и языка скандинавских стран и Финляндии. М., 1989.
18. *Лаврентьев, В.А., Петров, А.В., Нагорный, И.А. и др.* Функционирование безличных предложений. Архангельск: КИРА, 2009. 156 с.
19. *Лаврентьев, В.А.* Односоставные предложения с дезагенсным значением синтаксического лица // Вестник Тамбовского университета. 2011. № 5 (97). С. 272–278.
20. *Петров, А.В.* Категория безличности в современном русском языке: автореф. дис. ... д-ра филол. наук [Место защиты: Моск. гос. обл. ун-т]. М., 2007. 43 с.
21. *Суй Сюэбэнь.* Категория безличности и безличные предложения в русской языковой картине мира: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Башкир. гос. ун-т. Уфа, 2004. 24 с. URL: <http://www.dslib.net/russkij-jazyk/kategorija-bezlichnosti-i-bezlichnye-predlozhenija-v-russkoj-jazykovej-kartine-mira.html> (дата обращения: 24.11.2020).
22. *Чхаидзе, М.П.* О двух аспектах исследования грамматики // Вопросы языкознания. 1979. № 2. С. 122–134.

23. Лучик, М. Субъектно-предикатно-объектные отношения в семантической структуре безличных перцептивных предложений русского и польского языков // Известия Томского политехнического университета. 2005. Т. 308. № 3. С. 197–201.
24. Исаева, Н.А. Множественность интерпретации языковых единиц в вузовском и школьном обучении (теоретико-методический аспект) // Семантика и прагматика языковых единиц. Материалы Международной научной конференции. Калуга, 2019. С. 87–97.
25. Сятковский, С.И. Некоторые вопросы типологического и сравнительно-исторического синтаксиса // Вопросы языкознания. 1963. № 6. С. 69–83.
26. Бабайцева, В.В. Система односоставных предложений в современном русском языке. М.: Дрофа, 2004. 512 с.
27. Мельничук, А.С. Развитие структуры славянского предложения: автореф. дис. ... д-ра филол. наук / АН УССР. Секция обществ. наук. Киев: [б.и.], 1964. 46 с.
28. Филин, Ф.П. Происхождение русского, украинского и белорусского языков: Историко-диалектологический очерк. М.-Л.: Наука, 1972.
29. Степанов, Ю.С. Имена, предикаты, предложения. М.: Наука, 1981.
30. Буряков, М.А. К вопросу об эмоциях и средствах их языкового выражения // Вопросы языкознания. 1979. № 3. С. 47–59.
31. Жовтобрюх, М.А., Волох, О.Т., Самійленко, С.П., Слинько, І.І. Исторична граматика української мови. Підручник. К.: Вища школа, 1980. 320 с.
32. Словарь русских народных говоров. Вып. 1–47. Л., СПб., 1965–2014.
33. Грамматика современного русского литературного языка / С.Н. Дмитренко и др.; отв. ред. Н.Ю. Шведова; Акад. наук СССР, Ин-т русского яз. М.: Наука, 1970. 767 с.

REFERENCES

1. Shcherba L.V. O chastyah rechi v russkom yazyke [On the Parts of Speech in the Russian Language]. In: *Russkaya rech. Novaya seriya* [Collection “Russian speech”. New Series], II. Leningrad, Izd. “Academia”, 1928, pp. 5–27. (In Russ.)
2. Pospelov N.S. V zashchitu kategorii sostoyaniya [In Defense of the Category of State]. *Voprosy yazykoznaniya = Topics in the Study of Language*, 1955, No. 2, pp. 55–65. (In Russ.)
3. Shapiro A.B. Est li v russkom yazyke kategoriya sostoyaniya kak chast rechi? [Does the Category of State Exist in Russian as a Part of Speech?]. *Voprosy yazykoznaniya = Topics in the Study of Language*, 1955, No. 2, pp. 42–54. (In Russ.)
4. Vinogradov V.V. *Russkij yazyk. (Grammaticheskoe uchenie o slove)* [Russian. Grammar Theory of the Word]. Moscow, 1972, 616 p. (In Russ.)
5. Migirin V.N. Kategoriya sostoyaniya ili bessubektnye prilagatelnye? [The Category of State or Impersonal Adjectives?]. In: *Issledovaniya po sovremennomu russkomu yazyku: Sbornik statej, posvyashch. pamyati prof. E.M. Galkinoj-Fedoruk* [Studies in Modern Russian Language: Collection of Articles in Memoria of prof. E.M. Galkina-Fedoruk]. Moscow, 1970, pp. 150–157. (In Russ.)
6. Migirin V.N. Ryad soobrazhenij o kategorii sostoyaniya, ili predikativah [Some Thoughts on Category of State, or Predicatives]. *Izvestiya Krymskogo pedinstituta* [Bulletin of the Crimean Pedagogical Institute], t. XXVIII. Simferopol, 1957, pp. 407–425. (In Russ.)
7. Galkina-Fedoruk E.M. *Bezlichnye predlozheniya v sovremennom russkom yazyke* [Impersonal Constructions in Russian]. Moscow, 1958, 332 p. (In Russ.)

8. Galkina-Fedoruk E.M. O kategorii sostoyaniya v russkom yazyke [On Category of State in Russian]. *Russkij yazyk v shkole = Russian Language at School*, 1957, No. 4, pp. 6–17. (In Russ.)
9. Tihonov A.N. *Kategoriya sostoyaniya v sovremennom russkom yazyke* [Category of State in Modern Russian]. Samarkand, Izd-vo Samark. un-ta, 1960, 43 p. (In Russ.)
10. Valgina N.S. *Sovremennyy russkij yazyk* [Modern Russian Language]. Moscow, 1987, 480 p. (In Russ.)
11. Kolesnikova S.M. Vopros o slovah kategorii sostoyaniya [On Category of State]. *Russkij yazyk v shkole = Russian Language at School*, 2017, No. 2, pp. 16–20. (In Russ., abstract in Eng.)
12. *Russkaya grammatika* [Russian Grammar], T. 1, 2, ed. N.Yu. Shvedova. Moscow, 1980, t. 1, 783 p., t. 2, 717 p. (In Russ.)
13. Isachenko A.V. *Grammaticheskij stroj russkogo yazyka v sopostavlenii so slovackim* [Russian Grammar System in Comparison with Slovak]. Bratislava, Izd. Slovackoj Akademii nauk, 1960, 570 p. (In Russ.)
14. Degtyaryova M.V. *Chasterechnyj status predikativa*: ScD dissertation (Philology) [Predicative as a Part of Speech]. Moscow, 2007, 348 p. (In Russ.)
15. Lekant P.A. Analiticheskaya chast rechi predikativ v sovremennom russkom yazyke [Predicative as an Analytical Part of Speech]. *Vestnik MGOU. Seriya Russkaya filologiya = Bulletin of the MSRU. Series: Russian Philology*, 2011, No. 2, pp. 20–27. (In Russ., abstract in Eng.)
16. Cimmerling A.V. Drevneislandskie predikativy i gipoteza o kategorii sostoyaniya [Old Icelandic Predicatives and Category-of-State Hypothesis]. *Voprosy yazykoznaniya = Voprosy yazykoznaniya*, 1998, No. 1, pp. 36–59. (In Russ.)
17. Cimmerling A.V. Razvitie vtorichnoj bezlichnosti v drevneislandskom yazyke [The Development of Secondary Impersonality in Old Icelandic]. In: *XI vsesoyuznaya konferenciya po izucheniyu istorii, ekonomiki, literatur i yazyka Skandinavskih stran i Finlyandii* [XI All-Union Conference on the Study of History, Economics, Literatures and Language of the Scandinavian Countries and Finland]. Moscow, 1989. (In Russ.)
18. Lavrentev V.A., Petrov A.V., Nagornyj I.A. i dr. *Funkcionirovanie bezlichnyh predlozhenij* [The Functioning of Impersonal Constructions]. Arhangelsk, KIRA, 2009, 156 p. (In Russ.)
19. Lavrentev V.A. Odnosostavnye predlozheniya s dezagensnym znacheniem sintaksicheskogo lica [Mononuclear Sentences with Disagential Meaning of Syntactic Person]. *Vestnik Tambovskogo universiteta = Tambov University Review*, No. 5 (97), 2011, pp. 272–278. (In Russ.)
20. Petrov A.V. *Kategoriya bezlichnosti v sovremennom russkom yazyke* [The Category of Impersonality in Modern Russian]: Extended Abstract of ScD dissertation (Philology). Moscow, 2007, 43 p. (In Russ.)
21. Suj Syueben. *Kategoriya bezlichnosti i bezlichnye predlozheniya v russkoj yazykovoj kartine mira*: Extended Abstract of PhD dissertation (Philology) [The Category of Impersonality and Impersonal Constructions in the Russian Language Worldview]. Ufa, 2004, 24 p. Available at: <http://www.dslib.net/russkij-jazyk/kategoriya-bezlichnosti-i-bezlichnye-predlozheniya-v-russkoj-jazykovoj-kartine-mira.html>, accessed: 24.11.2020). (In Russ.)
22. Chkhaidze M.P. O dvuh aspektah issledovaniya grammatiki [On Two Aspects of Grammar Research]. *Voprosy yazykoznaniya = Topics in the Study of Language*, 1979, No. 2, pp. 122–134. (In Russ.)
23. Luchik M. Subektno-predikatno-obektnye otnosheniya v semanticheskoy strukture bezlichnyh perceptivnyh predlozhenij russkogo i polskogo yazykov [Subject — Predicate — Object Relations in the Semantic Structure of Impersonal Perceptive Constructions in Russian and Polish]. *Izvestiya Tomskogo politekhnicheskogo universiteta = Bulletin of the Tomsk Polytechnic University*, t. 308, No. 3, 2005, pp. 197–201. (In Russ.)

24. Isaeva N.A. Mnozhestvennost interpretacii yazykovykh edinic v vuzovskom i shkolnom obuchenii (teoretiko-metodicheskij aspekt) [Multiple Interpretations of Language Units in University and Secondary Education (Theoretical and Methodical Aspects)]. In: *Semantika i pragmatika yazykovykh edinic: Materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii* [Semantics and Pragmatics of Linguistic Units: International Conference Proceedings]. Kaluga, 2019, pp. 87–97. (In Russ.)
25. Syatkovskij S.I. Nekotorye voprosy tipologicheskogo i sravnitelno-istoricheskogo sintaksisa [Some Aspects of Typological and Comparative Syntax]. *Voprosy yazykoznanija = Topics in the Study of Language*, 1963, No. 6, pp. 69–83. (In Russ.)
26. Babajceva V.V. *Sistema odnosostavnykh predlozhenij v sovremennom russkom yazyke* [The System of Mononuclear Constructions in the Modern Russian Language]. Moscow, Drofa, 2004, 512 p. (In Russ.)
27. Melnichuk A.S. *Razvitie struktury slavyanskogo predlozheniya* [The Development of Slavic Sentence Structure]: Extended Abstract of ScD dissertation (Philology). Kiev, AN USSR, 1964, 46 p. (In Russ.)
28. Filin F.P. *Proiskhozhdenie russkogo, ukrainskogo i belorusskogo yazykov: Istoriko-dialektologicheskij ocherk* [The Origins of the Russian, Ukrainian and Belorussian Languages. History and Dialectology]. Moscow, Leningrad, Nauka, 1972. (In Russ.)
29. Stepanov Yu.S. *Imena, predikaty, predlozheniya* [Nouns, Predicates, Sentences]. Moscow, Nauka, 1981. (In Russ.)
30. Buryakov M.A. K voprosu ob emociyah i sredstvakh ih yazykovogo vyrazheniya [On Emotions and Their Linguistic Expression]. *Voprosy yazykoznanija = Topics in the Study of Language*, 1979, No. 3, pp. 47–59. (In Russ.)
31. Zhovtobryuh M.A., Voloh O.T., Samijlenko S.P., Slinko I.I. *Istorichna gramatika ukraïnskoï movi. Pidruchnik* [Historical Grammar of the Ukrainian Language. A Handbook]. Kiev, Vishcha shkola, 1980, 320 p. (In Ukrainian).
32. *Slovar russkikh narodnykh govorov*. Vyp. 1–47 [Dictionary of Russian Dialects]. Leningrad, Saints-Petersburg, 1965–2014. (In Russ.)
33. *Grammatika sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka* [The Grammar of the Modern Literary Russian Language], ed. N.Yu. Shvedov. Moscow, Nauka, 1970, 767 p. (In Russ.)

Топорков Петр Евгеньевич, кандидат филологических наук, доцент, кафедра русского языка как иностранного, Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского, ptoporkovnewnew@yandex.ru

Peter Eu. Toporkov, PhD in Philology, Associate Professor, Russian as a Foreign Language Department, K.E. Tsiolkovsky Kaluga State University, ptoporkovnewnew@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 07.12.2020. Принята к публикации 11.01.2021

The paper was submitted 07.12.2020. Accepted for publication 11.01.2021